

ЯННИС РИЦОС

Из книги «Камни. Повторения. Решетка».

(Париж, 1970 г. Афины, 1972 г.)

Перевод с новогреческого ЮННЫ МОРИЦ

После поражения

Когда афинское войско потерпело поражение при Эгоспотамах
и, чуть погодя,
когда мы окончательно потерпели свое поражение, — прекратились
наши вольные речи, блеск Перикла,
расцвет античных искусств, гимнастические уроки, беседы
пирующих мудрецов. Сегодня
на Агоре — гнетущая тишь, и уныние. и произвол Тридцати.
Все, и в том числе самое сокровенное, происходит в наше отсутствие,
без нашего спроса,
и это не подлежит никогда никакому обжалованию, и обвиняемый
беззащитен —
ни адвокатов, ни скромного права даже на мелочь: формальный
протест. В огонь — наши рукописи и книги,
и честь омраченной родины — в грязь. И если когда-нибудь,
предположим,
нам разрешили бы как свидетеля привести с собою старого друга,
он отказался бы только от страха:
как бы ему самому не пришлось нахлебаться наших несчастий, —
и был бы он прав. Поэтому здесь
нам хорошо — вполне вероятно, что мы набрали на какой-то новый
контакт с природой,
из-за колючей проволоки разглядывая кусочек моря, траву и камни,
или случайное облако на закате, лиловое, мрачное, беспокойное.
И между тем, вполне вероятно,
что еще возникнет когда-нибудь дух Кимона¹, управляемый тайно
все тем же орлом,
и вместе они откопают и обнаружат железное острие, которое
некогда было нашим копьем —

¹ Выдающийся афинский полководец V в. до н. э.

оно тоже стало тупым и ржавым,— и вполне вероятно,
что его принесут однажды в Афины
в триумфальном и траурном шествии, при венках и торжественной
музыке.

21/III 1968 г.

И, повествуя об этом...¹

Люди, идеи, слова измельчали настолько, что нас теперь не волнует
ни старая слава, ни новая, ни благородная биография Аристида;
и если кто-нибудь иногда
пытается вспомнить доблести Трехсот или Двухсот, другие немедленно
его обрывают с презрением или, в лучшем случае, с иронией
и скептицизмом. Но порой, как сейчас, например,
когда погода светла и прозрачна — в день воскресный на стуле
под эвкалиптами
среди этой безжалостной ясности — на нас нападает сокровенная
скорбь и тоска
о блеске, испытанном прежде,— хотя сегодня мы называем его
дешевым. Шествие трогалось на заре —
трубач впереди, а за ним — повозки с венками и грудами веток
душистого мирта,
за ними вышагивал аспидный бык, а за ним юноши шли и
кувшины несли с молоком и вином
для возлияния мертвым; в благовонных фиалах качались масла
и ароматные смеси.
Но всего ослепительней — в самом конце процессии шел архонт²,
одетый в пурпурное,
архонт, которому целый год не позволяли касаться железа
и надевать на себя хоть что-нибудь, кроме белого,— теперь он
в пурпурном
и с длинным мечом на поясе величественно пересекает город,
держа прекрасную вазу, извлеченную из общественной утвари,
и направляясь к могилам героев. И когда —
после того, как бывали омыты надгробные стелы и обильные
жертвоприношения завершены,—
он поднимал свою чашу с вином и, выливая его на могилы,
провозглашал:
«Я подношу эту чашу самым доблестным, тем, кто пал за свободу
греков»,—
пробирала великая дрожь все окрестные лавровые рощи,
дрожь, которая даже теперь пробирает эту листву эвкалиптов
и эти залатанные пестрые тряпки, после стирки развешанные
на этой веревке.

22/III-1968 г.

¹ Слова из «Гимна свободе» крупнейшего греческого поэта Дионисиоса Соломоса (1798—1857). В этом стихотворении, ставшем национальным гимном Греции, есть строки: «Остается говорить о былом величии и, повествуя об этом, лить слезы».

² Высшее должностное лицо в полисах Древней Греции.

уже достигнута цель, и свежайший страх: как бы смертные или боги
у тебя не украли твою добычу;
если держишь руно в руке, его золотая шерсть освещает ночи твои,
если держишь руно на плече, его золотая шерсть освещает тебя
целиком,
ты — мишень и для тех, и для этих: никакой возможности
спрятаться в тень,
чтоб остаться в своем ничтожном углу, обнажиться, и быть,
и существовать.
Но чем была бы наша бедная жизнь без этой золотой (как мы все
говорим) пытки?

5/V 1968 г.

Флейтист

Тростинка дырявая так хороша: она дарит нам звуки прекрасные,
голос колодца и ветра, которого нам не хватает. В этом
выдохе — «ах» —
утешение наше, восторг и улыбка.

Но глот, кто дует в тростинку,
становится некрасивым: щеки его надуваются, глаза его уменьшаются;
оклик любви — он предназначен другим, других одаряют любовью,
которую просит флейтист.

И тогда, в припадке отчаяния,
он швыряет тростинку в глубокую воду: озирается — нет никого.
Наклоняется над колодцем и расмагривает себя, свое лицо одинокое,
флейтой изрезанное лицо, которое в глубине вздрагивает, сверкая,
как нож.

29/X 1968 г.

*Концлагерь политзаключенных Партени
на острове Лерос.*

Краткий обзор

Газеты: титулы, титулы, смерти, рождения, войны, бракосочетания,
смерти,
именно это мы читали и в прошлом году. И там чемоданчик
с хирургическим инструментом,
длинный мраморный стол: другой, зеленый, для бильярда.
Красавец мальчик с подносом подслушивает за дверью.
Учебная анатомия, тоскливая. Постоянство. Напрасный гнев.
Перед ночью восходит в небе пробурявленная луна. Льнут облака
к холмам.

Старые трубочисты сидят на длинных скамейках общественного сада,
притихшие старики, страдающие бронхитом, пенсионеры.
«Черная дыра, — они говорят, —
черная дыра — этот мир». Тихие. Кашель у них. Незлобивые.
Анализ сажи, разложение, синтез черного. Напротив
зажигается за шторами свет. Маленькая девочка играет
на фортепьяно.

5/II 1969 г.

Обыск

Господа, заходите, сказал он. Вы не причините мне беспокойства; смотрите все; нечего мне скрывать. Тут спальня, тут кабинет, тут столовая. Тут? Старый чердак с барахлом.

Все, господа, стареет, стареет и заполняет жилье, все стареет, стареет и, господа, стареет так быстро. Это? Наперсток, его надевала мама.

Это? Мамина лампа, мамин зонтик; она очень меня любила.

А этот фальшивый паспорт? Заграничная дребедень? Грязное
полотенце?

Эти билеты в театр? Порванная рубашка? Кровавые пятна?

И этот снимок? Его, да, в женской шляпке с цветами, фото надписано неизвестному человеку, и почерк его.

Кто положил это сюда? Кто положил это сюда? Кто положил
это сюда?

5/II 1969 г.

Перемены

«Непреодолимо,— говорит он,— непреложно». Он совсем не испуган, скорей, успокоен. Завязывает свой галстук на горле. Смотрит
в зеркало.

Игральные карты рассыпаны на полу. «Это не смерть,— он сказал,— это меньше». Закрылась кофейня, где мы встречаемся.

Вывеску сняли, ее унесли в кладовую, свалили среди облезлых дверей, решеток, сломанных ставней.

На вывеске было: «Кофейня БЕСЕДА». Эта чашка, нарисованная в правом углу, дымилась очень похоже, казалось, что пахнет кофе. Красивой вывеске положен конец,
беседе положен конец;

теперь не разговаривает никто; лишь нечто подобное:

«Непреложно»,— говорит,

и так тихо, словно должен утешить того, кто уже скончался.

12/II 1969 г.

Завершение

Труд закончен в назначенный срок. Он доволен толщиной, точностью букв, объемом,

порядком, свободой. И внезапно он спохватился:

«назначенный срок»? — а, собственно, кем? — им самим? —

кто он сам? — и зачем? Он поднялся по лестнице сторбившись,

обратился к зеркалу в коридоре и в него заглянул

в надежде, что встретит то самое юношеское лицо —

накануне, до воплощения замыслов (лицо такое красивое, это он

помнил!),

в позапрошлом году? в прошлом? вчера? Этот чужой человек,

стоящий напротив,— он кто? эта угрюмая личность со стиснутыми

зубами,

с притворной улыбкой, этот тип, подражающий какому-то юноше, такому красивому, что, конечно, он был и обязательно должен быть. Пустая, слепящая белизна, у него побелело в глазах — острый запах асбеста, и краски, и свежего дерева.

27/V 1969 г.;

Образцы

Чтобы мы никогда не забыли, сказал он, золотые уроки, те уроки искусства греков. Небесное всегда вплотную с повседневным. Наряду с человеком, животным и вещью — браслет на запястье богини нагой; цветок, ниоткуда упавший на землю. Вспомните, что за прекрасные зрелища на наших глиняных вазах: боги с птицами и животными, здесь и лира, и молоток, яблоко, ящик, клещи; ах, и эти стихи, где бог, счастливо свой груд окончив, мехи из огня достает, собирает по одному инструменты в серебряный свой сундук; потом вытирает губкой лицо, мускулистую шею, руки, свою волосатую грудь, — такой аккуратный, чистый; он выходит вечером, опираясь на плечи юношей, целиком золотых — плоды его творчества, — они обладают и силой, и мыслью, и речью; выходит на улицу самый величественный, хромой бог, бог, живущий своим трудом.

23/VI 1969 г.

Карловаси на острове Самос.

